

На правах рукописи

Тагиров Филипп Владимирович

Сакральное как предмет социально-философского дискурса (от традиции к новому символическому пространству)

Специальность 09.00.11 — социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук

Москва — 2003

Работа выполнена на кафедре социальной философии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Гречко П.К.

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор Зорина Е.В.

кандидат философских наук, доцент Покровская Т.П.

Ведущая организация:

Академия Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Защита состоится "___" _____ 2003 г. в 15 часов 00 минут на заседании диссертационного совета Д 212.203.02 по философским наукам в Российском университете дружбы народов по адресу: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10, ауд. № 605.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Российского университета дружбы народов.

Автореферат разослан "___" _____ 2003 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

кандидат философских наук, доцент Стрельник О.Н.

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования

В современном мире, ориентированном прежде всего на ценности прагматизма и утилитаризма, обращение к феномену духовного оказывается более чем актуальным. Еще большую значимость данная проблематика обретает в ситуации перехода к постиндустриальному, или информационному, обществу, в котором все большую роль начинают играть постматериальные ценности.

Настоящая работа посвящена рассмотрению возможностей дискурса в поле сакрального в новой культурной и экзистенциальной ситуации, которую человек открывает для себя сегодня. Суть ее в том, что социо-культурные модели, увлекающие человека в сторону все большей индивидуализации и персонализации, вызывают нарастающее дробление как социальной, так и индивидуальной реальностей.

Разрушение единого ценностного пространства, последовавшее за «смертью бога» и релятивизацией псевдосакральных ценностей, виртуализация реальности и размывание идентичности индивидуального «Я» ведут ко все более радикальному смещению основных координат бытия с полюса упорядоченности к полюсу хаоса. Будет ли это концом социальности или переходом к ее новому воплощению? Какие формы может принять стяжание человеком духовного богатства в новом контекстуальном поле? Исторически это стяжание выражалось в приобщении к некой подлинности и целостности. Ясно, что прежние формы религиозно-метафизического дискурса, как правило, не способны служить адекватным ориентиром в современном смысложизненном поиске.

Ответом всеобщему растворению и смешению как на социальном уровне, так и на уровне личностном могло бы послужить возрождение единого символического пространства, между различными точками которого осуществляется непрерывный обмен смыслов. Это

символическое пространство способно расширить область значимых формирований за пределы предметно-функциональной действительности, объяв собой и объединив в себя все сферы бытия, доступные человеку.

Преодоление процессов дробления, смешения и подмены не может быть осуществлено без некоего объединяющего начала. В качестве такого начала может выступать сам принцип эквивалентного обмена. Сообразно этому принципу все явления, доступные человеку, а также все уровни человеческого бытия предположительно оказываются соотнесенными между собой, и эта соотнесенность открывается нам через символ или смысл.

Ясно, что если некая единая символически-смысловая матрица коренится только в умах людей, то объединение на ее основе может быть лишь очень относительным и, скорее всего, недолговечным или заранее обреченным на провал, поскольку соки, его питающие, ограничены одним поверхностным слоем человеческого бытия. Лишь в случае онтологической укорененности этой матрицы можно говорить об объединении на некоторых глубинных основаниях; в строящемся на них символическо-смысловом поле и будет явлена множественность, обретаемая через разногласия и иные индивидуализационные процессы. Это и приводит нас к необходимости изучения доступных человеку сегодня моделей и форм дискурса в поле сакрального.

В диссертации освещаются такие важные для человеческого бытия вопросы, как социо-культурные формы и механизмы поиска смысла жизни, дихотомия сакрального и псевдосакрального, связь насилия и «сакрализованного» мирского, легитимизация духовного поиска в век науки, соотношение символического и смыслового измерений и перспективы построения нового символического пространства.

Степень разработанности проблемы

Говоря перспективах развития социального, стоит обратить внимание на то, что те процессы и тенденции, которые в первую очередь формируют наши представления о современности и рассмотрению которых посвящено диссертационное исследование, не столько являются порождениями реалий нашего общества, сколько привносятся в него извне, расходясь из центра, который с некоторыми оговорками может быть определен как западная цивилизация. В силу этого тон в исследовании разбираемых нами здесь проблем задают именно западные философы и ученые. Самые глубокие и обладающие

наибольшим эвристическим потенциалом работы выходят из-под их пера, поскольку то, что мы наблюдаем лишь как тенденции социального развития, у них уже почти явлено как социальная реальность, а то, о чем мы только дерзаем размышлять, в их когнитивном поле открывается как четко обозначившиеся тенденции.

Несмотря на растущий интерес, разработка проблемы в отечественной литературе по обозначенным причинам уступает западной, что не могло не оказать влияния на выбор научно-теоретической базы настоящего исследования. Тем не менее среди отечественных ученых и философов можно выделить ряд авторов, чьи работы представляют неоспоримый интерес (И. Ильин, В. Иноземцев, П. Гречко, И. Мальковская, Д. Дубровский, К. Разлогов, А. Бузгалин). Среди зарубежных мыслителей, посвятивших свои труды вопросу формирующейся новой социальности, прежде всего, необходимо отметить теоретиков постиндустриального, или информационного, общества (Д. Белл, Э. Тоффлер, Р. Инглхарт), а также философов постмодернистского направления (Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр, Ж. Дилез, Ф. Гваттари, Ж. Липовецки).

Важно отметить, что при этом, однако, сакральное как самостоятельная проблема разбирается либо мыслителями традиционной ориентации (Р. Генон, Ю. Эвола), либо историками религии (М. Элиаде, Я. Ассман, Ж. Батай, Р. Жирар), что во многом предопределяет их интерпретацию поднимаемых вопросов. Попытка преодоления разрыва между сакральным и современным социокультурным порядком, и, как следствие, легитимизации смысложизненного поиска в области сакрального осуществляется, в основном, представителями научного дискурса — философами психоаналитического и трансперсонального направлений (К.Г. Юнг, С. Гроф) или теоретиками психоделического направления (О. Хаксли, Т. Маккенна, Т. Лири). Российской философии с ее исторической ориентации на духовное измерение бытия, проблематика сакрального оказывается чрезвычайно близкой, однако ей очень часто недостает аналитической выверенности этого дискурса через призму современности. Среди отечественных представителей традиционной мысли наиболее ярко выделяются фигуры Д. Андреева, А. Дугина и Ю. Мамлеева.)

В силу различных причин, среди которых не на последнем месте стоит преобладание в современной философии прагматистско-позитивистской доминанты, мы вынуждены констатировать недостаточное количество комплексных исследований возможностей дискурса в поле сакрального в рамках современной социальности. Как правило, если эта проблема и формулируется, то лишь как один из аспектов аналитической картины современного общества. Однако и здесь мы подчас находим и обстоятельный анализ, и гениальные прозрения, близкие по своей тематике данному исследованию (проблема символического обмена у Ж. Бодрийяра, вопрос о соотношении сакрального и насилия у Р. Жирара, анализ мифологий современного общества у Р. Барта, etc.). В последние

годы проблемы возможности/необходимости религиозно-метафизического дискурса в современном мире, а также демифологизации и ремифологизации сознания стала чаще фигурировать и в отечественной философской мысли (Л. Маркова, А. Красников, Г. Киселев, В. Найдыш, Ю. Почта, С. Хоружий, М. Соболева), что свидетельствует о том, что их разрешение еще далеко от завершения.

Цель и задачи исследования

Целью диссертации является социально-философский анализ современного дискурса в поле сакрального, а также концептуальное рассмотрение проблемы взаимной адекватности основных форм данного дискурса и социо-культурной ситуации наших дней. Таким образом, объектом исследования является поле трансцендирования современного человека и механизмы этого трансцендирования, явно или скрыто предлагаемые ему социальной реальностью. Предметом же исследования выступают только те модели смысловой жизни, которые доросли до уровня религиозно-метафизического дискурса, что оставляет за рамками работы различные типичные модели, находящиеся на уровне бытового сознания и/или являющиеся дорефлексивной составляющей очередной волны ремифологизации социально-культурного контекста.

Опираясь на таким образом очерченное предметно-проблемное поле исследования, можно выделить следующие задачи, постановку и разрешение которых предполагает обозначенная цель работы:

- определить стержневой элемент любого дискурса в поле сакрального как Трансцендентный другой, рассмотреть амбивалентность приписываемой ему природы: его радикальную инаковость и одновременно его близость человеческому порядку;
- выделить основные направления современного дискурса в поле сакрального;
- проанализировать исторические корни той специфической культурной и экзистенциальной ситуации, в которой сегодня человек вынужден строить свои отношения с Трансцендентным другим;

- установить причины отрыва нигилизма от исторических форм религиозно-метафизического дискурса;
- рассмотреть вопрос об адекватности традиционного дискурса современной культурной ситуации;
- выявить связь между насилием и практикой «сакрализации» мирского для традиционного и современного мира;
- представить основные черты дискурсивной модели измененных состояний сознания и ее взаимоотношения с господствующей ментальностью;
- раскрыть особенности социального и метафизического бытия человека при смещении акцента с ценностей общности на ценности различия;
- исследовать динамику символического при переходе от социальности, построенной на ценностях сакрального, к социальности, в основе которой лежит «сакрализованное» мирское, и, наконец, к социальности симулированных смыслов;
- рассмотреть вопрос о построении единого символического пространства в качестве противовеса тенденциям всеобщей диверсификации и индивидуализации.

Теоретико-методологическая основа исследования

Исследование основных моделей дискурса в поле сакрального требует особенно внимательного и чуткого подхода. В рамках современной научной парадигмы очень просто свести картину поиска высших смыслов бытия исключительно к его внешним проявлениям, каковые, например, в случае религии составят обрядовую сторону

отношений человека и бесконечности. Необходимо также преодолеть соблазн разложить ту или иную форму данного дискурса на составные элементы сообразно их включенности в те или иные социальные структуры, чего от нас потребовал бы функционалистский подход, ограничься мы только им. Более того, там, где речь идет о самом интимном и сокровенном, где мировоззренческие установки нанизываются на субъективные переживания и преломляются ими, весьма неоднозначно обстоит дело и с требуемой объективностью. Тем не менее, оставляя вопрос о субъективной компоненте современного религиозно-метафизического дискурса открытым (равно как и проблему онтологии сакрального — лишь гипотетически обрисованной), анализ проявлений этого дискурса в социо-культурной действительности был максимально приближен к требованиям принципа научной объективности. Каждая из разбираемых моделей дискурса в поле сакрального исследуется с двух позиций: изнутри, как сам дискурс говорит о себе, и снаружи, с точки зрения того, какие функции он выполняет и симптом каких процессов и тенденций является. Оба этих анализа оказываются взаимодополнительными и вместе формируют целостную, но при этом многоуровневую, комплексную картину. Методологическая база исследования, следовательно, представлена принципами целостности, аналитичности, объективности, логико-историческим принципом, а также феноменологическим, функционалистским и герменевтическим подходами.

Теоретической основой и источниками диссертационного исследования служат сочинения представителей классической философской мысли (Платона, Ф. Ницше, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, А. Камю), труды мыслителей традиционного дискурса и историков религии (Р. Генона, Ю. Эволы, М. Элиаде, Я. Ассмана, Р. Жирара) работы теоретиков психоанализа и трансперсональной психологии (З. Фрейда, К. Г. Юнга, С. Грофа), ряда представителей психоделического дискурса (О. Хаксли, Т. Маккенны, Т. Лири) и, наконец, работы современных философов, предпринимающих попытку концептуального анализа последних тенденций в развитии социальной реальности (Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Дилеза, Ф. Гваттари, Ж. Бодрийяра, Ж. Липовецки, Г. Дебора). Основные теоретические положения данных авторов были критически переосмыслены в контексте основной проблематики диссертационного исследования. Кроме того, в качестве источниковой базы исследования привлекаются также священные тексты различных культур и исторических эпох.

Положения, выносимые на защиту, и их научная новизна

Результаты проделанного социально-философского анализа основных форм современного дискурса в поле сакрального и соответствующей им социокультурной ситуации могут быть кратко сформулированы следующим образом:

- Рассмотрена амбивалентность природы сакрального: близость Трансцендентного другого человеческому измерению и его принципиальная инаковость и несводимость к исключительно предметно-практической реальности (формирование Радикального другого). Потребность в Трансцендентном другом, в построении определенного рода отношений с ним признана как одна из сущностных потребностей человека. Именно благодаря наличию Трансцендентного другого в значимом поле человека осуществляется конструирование наиболее глубокого и устойчивого смыслового и символического пространства.
- Выделены основные направления современного дискурса в поле сакрального, которые в соответствии с их темпорально-ценностной устремленностью можно представить в качестве трех векторов: вектор прошлого, реализуемый традиционным дискурсом, вектор будущего, к которому могут быть причислены модели, связанные с так называемой «возникающей научной парадигмой» (Гроф), а также с околонаучными и маргинальными разновидностями психоделического дискурса, и, наконец, третий вектор, включающий в себя промежуточные и синтетические формы, который условно можно обозначить как вектор настоящего.
- Показано (как результат анализа исторических корней современной культурной и экзистенциальной ситуации), что главной предпосылкой, предопределившей все дальнейшие формы отношений человека с Трансцендентным, выступает явление «смерти бога».
- Установлено, что дискурс нигилизма, тесно связанный со «смертью бога», является, с одной стороны, отрицанием предшествующих форм религиозно-метафизического дискурса, а с другой — наследует им.
- Выявлены основные линии отношения традиционного дискурса в поле сакрального к социокультурной ситуации наших дней, а также отношение современного мира к традиции. Традиционный дискурс в целом характеризует современный порядок как кризисный и связывает этот кризис с символическим и духовным падением человека. Современный мир склонен отрицать саму сверхфизическую реальность, на поле которой претендует традиционный дискурс, однако в определенных случаях стихийно или осознанно прибегает к фрагментарному заимствованию и воскрешению некоторых мифологических и метафизических смыслообразов.

- Проанализирована связь насилия с формами «сакрализованного» мирского, или псевдосакрального, присущая как традиционным, так и современным обществам. Известный с древнейших времен принцип объединения через насилие, осуществляемое по отношению к Врагу во имя собственного бога, стоит на вооружении и у современных обществ, делающих из своих ценностей и идеалов псевдосакральные модели. Высшей реализацией насилия по-прежнему остается насилие символическое.
- Рассмотрены основные черты психоделического дискурса в поле сакрального. Исследовано положение этого дискурса в рамках современной ментальности. С одной стороны, этот дискурс претендует на преемственность с архаическими экстатическими техниками, с другой — всецело устремлен в будущее, требуя реформирования или радикальной трансформации современной ментальности.
- Исследован процесс перехода от ценностей общности к ценностям различия с точки зрения его влияния на выбор адекватной модели отношений современного человека с Трансцендентным. Некогда отринутый позитивистской наукой религиозно-метафизический дискурс, сегодня снова возвращается в качестве факультативной формы проведения досуга и как область альтернативной персонализации личности.
- Прослежена динамика перехода от социальности, построенной на ценностях сакрального, к социальности, в основе которой лежит «сакрализованное» мирское, и, наконец, к социальности симулированных смыслов.
- При рассмотрении вопроса о «символическом обмене» (Ж. Бодрийяр) выявлена взаимодополнительность символической и смысловой реальностей, строящихся на принципах эквивалентного обмена. Показаны перспективы построения нового символического пространства как объединяющего поля, в рамках которого протекают процессы диверсификации и индивидуализации.

Теоретическая и практическая значимость работы

Материалы диссертации, положения и выводы, сформулированные в ней, создают основу для дальнейших исследований феномена сакрального и проблемы конструирования символического пространства. Практическая значимость работы заключается также в том, что ее материалы и результаты могут быть использованы при подготовке лекционных курсов, спецкурсов, семинарских занятий, факультативов по ряду учебных дисциплин социально-философского, историко-философского, философско-культурологического, аксиологического и религиоведческого профилей, а также в научно-исследовательской работе.

Апробация работы

Основные положения диссертационного исследования получили освещение в публикациях автора, научных статьях, тезисах конференций, текстах лекций. Материал диссертации апробирован соискателем в непосредственном учебном процессе при чтении лекционного курса «Традиция и История» на кафедре социальной философии Российского университета дружбы народов.

Диссертация обсуждена на заседании кафедры социальной философии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН (июнь 2003 г.) и рекомендована к защите.

Структура и содержание диссертационного исследования отвечает логике раскрытия разбираемой темы и соответствует поставленным целям и задачам исследования. Автор рассматривает самые репрезентативные, на его взгляд, модели современного дискурса в поле сакрального, а также наиболее важные и актуальные проблемы, с которыми сталкивается современный человек, выбирая для себя ту или иную модель сакральной трансценденции или отказываясь от любых форм трансцендентного. Диссертация состоит из введения, двух частей, шести глав, тридцати четырех параграфов, заключения и библиографии.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы, ее научная новизна и степень разработанности проблемы. Формулируются цели и задачи исследования и положения, выносимые на защиту, описывается теоретико-методологическая основа исследования и его теоретическая и практическая значимость.

В первой части, озаглавленной «Модели современного метафизического дискурса: от нигилизма до метафизики измененных состояний сознания»

, рассматриваются основные направления дискурса в области сакрального, доступные человеку сегодня, а также исторические социо-культурные формы, которые эти отношения принимают. Часть состоит из четырех глав.

Первая глава — «Ничто: абсурдный человек и Трансцендентный другой» —

посвящена явлению «смерти бога» (Ф. Ницше) и метафизическому дискурсу нигилизма. «Смерть бога» лежит у истоков как современной социо-культурной, так и экзистенциальной ситуации, в которой находится человек, ориентирующийся на основные ценности западной цивилизации. Эта ситуация, открывшаяся ему во всей своей полноте сравнительно недавно, является для него принципиально новой (спорадические проявления атеизма и свободомыслия в прошлом — не в счет). «Смерть бога» знаменует собой смерть традиционного сакрального, или, говоря иначе, традиционных форм сакрального, исторически знакомых человеку. Однако это не означает смерти сакрального как такового: человек все так же периодически устремляется к трансцендентному, а те или иные значимые элементы его бытия все так же подвергаются процессу сакрализации, сменяя уже десакрализованные. Человек открывает некие новые формы сакрального.

Для нигилистического дискурса Ничто выступает в качестве основания человеческого мира, подобно тому, как прежде таким основанием считалось божественное, мыслимое так или иначе. В определенном смысле, когда со «смертью бога» основа мира исчезает, мир открывается человеку безосновным, или покоящимся на Ничто. Безосновность мира, Ничто, ожидающее человека в конце его краткого пути, и обрекают его на судьбу Сизифа, выявляют под привычными вещами и смыслами — абсурд (А. Камю). Абсурд, который постепенно распространяется на все смыслы этого мира. Само существование нигилизма (активного, «бунтарского», или пассивного, скорее свойственного человеку общества массового потребления, нежели «бунтующему человеку», о котором писал А. Камю) оказывается возможным именно благодаря тому, что с приходом абсурда весь мир стал казаться все более бессмысленным.

В различных мифологических и религиозных концепциях Ничто также фигурирует в той

или иной своей ипостаси. Оно может предшествовать творению, будучи его потенцией, может и освобождать от иллюзорного существования, как, например, нирвана в буддизме. Атрибутом Ничто является, как правило, его неподвластность человеческому уму, поэтому в определенном смысле можно заключить, что Ничто выступает как Ничто в силу своей непостижимости, невыразимости в категориях этого мира. Главное, на что мы обращаем особое внимание, — это то, что в мифологических и религиозных верованиях, которые встречаются у самых разных народов, Ничто, прежде всего, означало нечто, радикально отличное от всего, что есть в этом мире, нечто совсем иное, дающее рождение этому миру или спасение от него, а не полное отсутствие чего бы то ни было и, соответственно, всякого смысла, что способно порождать только абсурд.

Тем не менее и в рамках экзистенциалистского дискурса нигилизма сакральное находит объект для своего воплощения. Преодолевая метафизику (М. Хайдеггер), человек остается в измерении метафизического. Трансцендентный Другой вновь является человеку, на этот раз в виде Ничто. Сакральное теперь другое — оно существует в отрыве от культа и ритуала, не обещает посмертного воздаяния, но именно оно, как и раньше, дает человеку возможность подлинного бытия (Ничто и трансцендирование у М. Хайдеггера).

Экзистенциальное напряжение «бунтарского» нигилизма и тоскливая апатия, порождаемая нигилизмом пассивным суть два вызова, на которые вынужден искать ответ современный человек, равно как искал его и человек ушедшего XX столетия. И тоскуя по некой подлинности собственного бытия, по его целостности, он, как ему кажется, находит ответ, устремляясь либо в прошлое, либо в будущее. Устремленность в прошлое чаще всего выражается в обращении к традиционным моделям сакрального и попытке возрождения традиционных отношений человека с Трансцендентным другим, чему и посвящена **глава вторая — «Хранители традиционного дискурса и человек падший»**

Излишне говорить, что это направление является наиболее консервативным, в целом тяготея к образцам, выработанным в предшествующие эпохи. Авторитет традиции чаще всего находится в прямом соответствии с ее возрастом, ибо считается, что истинное знание было дано человеку в глубокой древности. Задача традиции, как это этимологически следует из самого понятия, состоит в «передаче» истинного знания от поколения к поколению. Несмотря на различия, традиционные учения, к которым обращается человек в рамках данного дискурса, утверждают наличие некоторого сверхфизического принципа, организующего мир. Этот принцип выступает в качестве сакрального средоточия высших смыслов, доступных человеку. Отношение традиции к современному миру имеет преимущественно критическую окраску. Считается, что человеческий (а в ряде доктрин и мировой) порядок сегодня чрезвычайно удалился от

своего исходных принципов, известных древнему человеку, что неуклонно ведет мир к катастрофе. Человечество переживает кризис, в основе которого лежит забвение истинного знания, прежде всего знания о подлинном месте человека в мире, и сакральных ценностей, приводивших человеческий порядок в согласие с порядком трансцендентным.

В качестве наиболее ярких примеров традиционного дискурса в главе разбираются некоторые положения Р. Генона, Ю. Эвола, М. Элиаде и пр. В контексте данной работы особый интерес для нас представляет концепция «отвердения мира» (Р. Генон), согласно которой свободный взаимообмен между народами в символической, ценностной и других областях духовного становится чрезвычайно затруднительным.

Анализ проблемы взаимной адекватности традиционной модели дискурса в поле сакрального и современной социо-культурной ситуации убеждает нас в следующем. Несмотря на отрицание традицией основных мировоззренческих принципов современной западной цивилизации, воззрения многих «традиционалистов» являются скорее эклектичной адаптацией (или модернизацией) традиционных знаний к идеалам утилитаризма и индивидуализма, которыми преимущественно руководствуется человек сегодня. Сакральное традиционного дискурса является наиболее близким историческим типам сакрального. При этом в большинстве случаев оно само оказывается в той или иной степени «заражено» современностью, является в преобразованном, модифицированном, популяризованном виде. Из того или иного традиционного учения чаще всего заимствуются и эксплуатируются одна-две составляющих (например, оккультно-магический компонент каббалы) в отрыве от его концептуальной целостности.

Общая трагичность и негарантированность человеческого бытия периодически порождает всплески иррационализма. В эти периоды можно констатировать повышение интереса к традиционным учениям со стороны массовой культуры и массовых идеологий. Однако, будь то эсхатологические настроения или воскрешение мифологического образа героя-спасителя, интерес к традиции, как и ее понимание, остаются исключительно поверхностными. Необходимо также отметить, что авторитет традиции сегодня, как, впрочем, и во все предшествующие эпохи, регулярно служит оправданием действий и явлений, далеких от самого духа традиции и направленных преимущественно на достижение узкопрактических мирских целей. Сакральное традиции, путем различных идеологических манипуляций, как бы опускается все ниже к земле и все ближе к земным делам, освящая, «сакрализуя» чисто мирские ценности и начинания. И мы уже вправе говорить о возникновении «псевдосакрального», которое подробно разбирается в следующей главе через призму проблемы, ставшей одной из самых актуальных в современном мире, — проблемы насилия и его легитимации.

В третьей главе — «Я» VS «Другой»: сакральное насилие и насилие именем сакрального» — автор анализирует природу насилия, осуществляемого во имя сакральных и «псевдосакральных» ценностей.

Множество мифов у самых разных народов повествуют об акте насилия, путем которого творится миропорядок. Осуществляет насилие божество, герой, первопредок, создающий из нерасчлененного хаоса иерархически упорядоченный космос. Разделение, к примеру, Неба и Земли, будучи первым и наиболее фундаментальным различием, привнесенным, согласно мифам, в этот мир, выступает прообразом смысловой иерархии, на основе которой возникает иерархия ценностная, и служит основанием для возникновения символического пространства, охватывающего собой как земной, так и небесный миры. Само действие бога или героя сакрализуется в силу своей чрезвычайной значимости для мира и человека. Человек, повторяя в ритуальной форме деяние, совершенное в доисторические времена, символически и, как считается, мистически реактуализует его плоды и восстанавливает принцип иерархического различия как в мире, так и в обществе.

Вместе с сакральным насилием, по преданиям совершенным неким сверхъестественным существом на заре мира и повторяемым человеком лишь в символической форме, история испокон веку знает также вполне реальное насилие, осуществляемое *именем* сакрального. Это насилие, как правило, не устремлено на достижение каких-либо высших, трансцендентных идеалов, цели его — вполне конкретные и вполне мирские, однако оно апеллирует к трансцендентному, к сакральному, прикрываясь его авторитетом. Что касается современного западного общества, то недоверие к традиционному сакральному не мешает ему поднимать свои ценности почти на сакральную высоту. Во имя них Запад способен в случае необходимости призывать к насилию и осуществлять его, столь же эффективно, как делают это традиционные общества, подменяя сакральные ценности «псевдосакральными». Такое насилие неизменно подразумевает формирование образа Чудовища (Р. Жирар).

В главе исследуется также и социально-консолидирующая функция насилия. Различие, и, в частности, различие иерархическое, является основой объединения людей. Различие земли и неба, человеческого и божественного сплавливает людей перед лицом Трансцендентного другого, выступающего стержнем символического пространства, в котором они живут. Когда целостность символического пространства оказывается нарушенной, Трансцендентного другого заменяет вполне земной Другой, обращенный в Злого Радикального другого, в Чудовище, во Врага, против которого и осуществляется насилие, причем впереди реального насилия идет насилие символическое. Этим

насилием и сплачиваются общество или общества, когда утеряна трансцендентная основа их единства. Само превращение Другого в Чудовище оказывается так убедительно реализуемо прежде всего благодаря нарушению единого символического поля, когда из-за отсутствия соответствия между образами и их смыслами становится возможным практически любая подмена.

Целью вернуть человеку некий высший трансцендентный смысл, который мог бы организовать вокруг себя единое для всех символическое пространство, а самого человека вернуть реальности сакрального задаются представители психоделического дискурса и так называемой «возникающей научной парадигмы», роль и место которых в современном дискурсе в поле сакрального исследуются в **четвертой главе**, озаглавленной

«Измененные состояния сознания и новые горизонты сакрального»

Психоделическое направление объединяет концепции и подходы, значительно различающиеся между собой как по степени близости к академической науке, так и по их выводам относительно господствующей ментальной парадигмы. Однако представители данного направления, несмотря на все расхождения, едины в том, что ключом к постижению реальности сакрального выступают так называемые измененные состояния сознания. Техника достижения этих состояний варьируется от использования полу-легальных и нелегальных психоактивных веществ (Т. Маккенна, Т. Лири) до дыхательных практик, подобных йогическим (С. Гроф).

Сам дискурс возникает в эпоху «психоделических 60-х», тем не менее его теоретики настаивают на возрождении техник экстаза, известных еще древним обществам. С развитием цивилизации и становлением материалистической модели видения мира эти техники были утеряны, а их значение забыто или извращено. Психоделическое направление, как правило, находится в тесном родстве с экологическим сознанием. В его рамках человек обычно мыслится неотторжимой частью природы, от которой он за свою историю удалился катастрофически далеко. Расширение горизонтов сознания, достигаемое с помощью той или иной практики, по мнению представителей этого направления, способно помочь человеку вновь открыть свою подлинную природу, заключающуюся в гармонии с природой, окружающей его. Тогда возможно, например, построение «культуры партнерства» с природой вместо «культуры владычества» над ней (Т. Маккенна).

Природа же выступает не только физической средой обитания, но и воплощением

Трансцендентного другого, вместилищем сакральных смыслов. Она не просто сама сакрализуется на манер романтиков, она является хранительницей жизненно важных для человека знаний и его учителем. Причем понятие природы может быть расширено до размеров Космоса (К. Юнг), космос же может стать площадкой для Космической игры (С. Гроф). Хотя теоретики этого направления и обращаются то к понятию Дао, то к практике йоги, то к шаманистским техникам, также уходящим в глубокую древность, их позиция принципиально отличается от традиционных концепций общей темпоральной направленностью не в прошлое, к золотому веку, а в будущее, где, если человечество сумеет избежать катастрофы, возможно его дальнейшее развитие.

Психоделический дискурс в целом может быть охарактеризован как крайне неоднозначный, порой балансирующий на грани маргинальности и перехода в контркультурную область. Ряд специалистов психоаналитического направления, разделяющих концепцию коллективного бессознательного (К. Юнг), трансперсональной школы психологии (С. Гроф, К. Гроф) прежде всего, стремятся сделать свои исследования, как и их результаты максимально легитимными и близкими академической науке, насколько это возможно. Они, по их собственным словам, работают лишь на реформирование современной ментальности и на «возникающую научную парадигму» (С. Гроф). Они стремятся по возможности сблизить сакральное с научным подходом к его изучению, надеются вернуть «умершего» бога с помощью наукообразных процедур. Другие представители психоделического дискурса более радикальны в своих воззрениях. Они полагают, что «реформирование» текущего порядка не способно спасти человека от гибели, к которой влечет его господствующая ментальная парадигма, принципиальное преобразование которой только и способно открыть перед человеком путь к дальнейшему развитию заложенного в нем потенциала (О. Хаксли, Т. Маккенна, Т. Лири).

Итак, в основании современной социо-культурной ситуации лежит событие, описанное Ф. Ницше как «смерть бога», и повлекшее за собой радикальное обеднение символического измерения. Нигилизм есть прямое порождение этого события, когда с уходом высших ценностей, прочие ценности все более мельчают и начинают проваливаться в бездну абсурда. Взамен отвергнутым или изжившим себя моделям сакрального человек начинает искать новые, первой из которых может быть названо само Ничто метафизики нигилизма. Мыслители-традиционалисты в своих воззрениях наиболее близки к историческому религиозно-метафизическому дискурсу, но и они в той или иной мере подчас оказываются под влиянием ценностей современного мира, против которых они выступают, — таких, как, например, утилитаризм и индивидуализм. Современный западный мир, в свою очередь, создает из своих ценностей (западный образ жизни, демократия, свобода индивидуализации и т.д.) модели «псевдосакрального», именем которых, как и традиционные общества, он способен осуществлять насилие по отношению к Другому, символически представленному в качестве Врага или Чудовища. Вернуть человечеству утраченную гармонию как

внутреннюю, так и с высшим началом, желает и психоделический дискурс, утверждающий, что реальность сакрального может быть познана с помощью так называемых «измененных состояний сознания». Различные представители этого направления призывают либо к реформированию современной ментальности, оцениваемую как кризисную, либо к ее радикальной трансформации.

Эти модели, устремлены ли они в прошлое или в будущее, в той или иной степени отвергают текущий порядок. Анализу двух основных альтернатив развития современного общества — общества, объединенного на символическом уровне признанием некоего высшего принципа, Трансцендентного другого, или общества, оставившего сакральное лишь как одну из возможностей персонализации личности и сползающего в пучину нескончаемого дробления самой социальной реальности, — посвящена **вторая часть** настоящего исследования — «**Социокультурное и экзистенциальное поле выбора современного человека**». Она состоит из двух глав — пятой и шестой, заключительной.

Глава пятая, которая называется «Трансрелигиозность в поле диверсификации и индивидуализации», описывает специфическую ситуацию, в которой оказалось сакральное в рамках современной культуры. Изгнанное из жизни общества, построенного на светских принципах, оно возвращается на волне персонализации, в пространстве которой приветствуются любые модели самореализации, кроме откровенно асоциальных. Но необходимо отметить, что отныне религиозность, метафизика, различные сакральные интенсивности хотя и перестают быть персоной *non grata*, больше не обретают некогда утраченного ими статуса, оказываясь в одном ряду со всеми остальными формами персонализации и самовыражения, присутствуя в качестве очередного факультативного придатка, подчиняющегося скорее закону моды, нежели реализации потребности человека в стяжании подлинного бытия.

Этот неведомый ранее статус сакрального обусловлен, прежде всего, переходными процессами, в рамках которых ценности общности постепенно сменяются ценностями различия. Ведущим становится императив самовыражения, причем вопрос о характере этого самовыражения остается вторичным. Культивируемые в данном обществе качества личности наиболее адекватно способен выразить образ Нарцисса (Ж. Липовецки), погруженного в неповторимую бездну самого себя. Нарциссизм вместе с императивом индивидуализации требуют небывалой комбинаторики моделей самораскрытия, для присвоения которых открыты любые исторические эпохи и любые культуры. Соответственно и сакральное, неугодное в предшествующую эпоху, постепенно включается в ряд доступных индивидуализационных моделей, но исключительно на личностном уровне, притом в форме факультативного приложения.

Индивидуальное достигает все большей степени автономности, сама социальность как таковая все более стремится к реализации через коммуникацию, становится игрой, спектаклем (Г. Э. Дебор). Социальное существует не ради самого себя, а ради «языковых игр» (Л. Витгенштейн, Ж.-Ф. Лиотар), в которых правила игры более не являются постоянными, а целью строящейся таким образом коммуникации становится не достижение консенсуса, а, напротив, поиск разногласий. И если сакральное способно содействовать углублению различия, оно включается в игру как одна из масок. Тем не менее, с ростом свободы, развитием технологий и виртуализацией пространства общения человек уже не столь ограничен в выборе партнера по коммуникации, как это было в прошлом, и перед формированием коммуникативной группы по интересам впервые практически не стоит пространственных, возрастных, статусных и прочих ограничений. В этой ситуации сакральное регулярно выступает как раз в качестве общего объединяющего начала, «интереса» (ибо современному Нарциссу необходим не тождественный, но все же в чем-то подобный ему реципиент для более убедительного проявления собственной индивидуальности), некоторое время связывающего членов группы, а также в качестве общего отличительного признака, противопоставляющего их окружающему, по преимуществу секулярному, миру, а значит, выделяющего их, проводящего различие между ними и миром.

С дроблением различий происходит распад некогда единого ценностного кода и растворение, взаимопроникновение и смешение ценностей (Ж. Бодрийяр). Справедливо будет отметить, что подобно любой другой области человеческой деятельности — экономике, политике, эстетике и т. д. — религиозность все более растворяется, теряя свой узнаваемый облик, и становится трансрелигиозностью. Трансрелигиозность — это религиозность, потенциально присутствующая во всем и нигде реально не существующая, не достигающая полноты собственного бытия. Вероятно, через такую религиозность и человеку оказывается необычайно трудно устремляться к бытию в его полноте. С ростом различий при снятии различия исходного, между небом и землей, самопреодолению свойственно выражаться уже в стремлении отличаться от самого себя, и мы наблюдаем затрудненность любого метафизического трансцендирования.

На смену жесткому ценностному коду пришли некие подвижные механизмы организации социального, чьей гибкости пока хватает, чтобы поспевать за дроблением социальной реальности. Однако мы предполагаем наличие границ этого дробления, точки, за которой заканчивается социальное и открывается хаос. Единственное, что, на наш взгляд, могло бы остановить этот процесс, — это возрождение единого символического пространства. Этой проблеме и посвящена заключительная, **шестая глава**, так и озаглавленная:

«К новому символическому пространству»

.

Осуществляя сравнительный анализ концепций мифологии как языка второго уровня Р. Барта и трех порядков симулякров Ж. Бодрийяра, мы попытались представить новую типологию символического в его отношении с различными этапами существования социального. Развивая положения Э. Кассирера, определившего человека как «символическое животное», мы предполагаем, что человек никогда не знал социальности, основанной исключительно на естественном языке. Социальность как таковая, как истинно человеческое измерение, возникает только вместе с символическим. Исторически первой формой символического является символическое, отсылающее к трансцендентным значениям и возникающее в поле социальности, построенной на мифе в его исходном виде. Именно это символическое открыто для свободного и эквивалентного обмена различными значениями и смыслами. Когда символическое начинает отсылать к «сакрализованному» мирскому, принцип эквивалентного обмена оказывается нарушен, и социальное строится уже на псевдосакральном, освященном современными «мифологиями». Современное положение вещей предполагает наличие символического пространства, символы которого отныне отсылают к симулированным смыслам, либо друг к другу. Социальность, соответствующая этому порядку символического, опирается на миф, искусственность которого более и не скрывается, поскольку речь теперь идет не о *дове- рии* и *ли* *недоверии* по отношению к мифу, а о временном *предпочтении* одной мифологии другим.

Социальность, строящаяся на принципах гетерогенности правил, принципиальной темпоральности любого консенсуса и поиска разногласий (Ж.-Ф. Лиотар), рискует в конечном итоге довести различие до столь малых и дробных форм, что перестанет существовать как организованный порядок, обратившись в зыбкое пространство хаоса (о борьбе с которым рассказывали мифы всех древних народов и пришествию которого препятствовали все воплощения Трансцендентного другого). В этой связи растущий интерес к неустойчивым системам и феномену случайности сам уже вовсе не кажется случайным. Виртуализация реальности порождает принципиально новый экзистенциальный опыт, доступный человеку, опыт «согласованной галлюцинации» (В. Гибсон), которая при этом, как мы полагаем, на уровне общества рискует переродиться в рассогласованную реальность.

Тем не менее, в различных областях человеческой деятельности периодически предпринимается поиск оснований для признания единства бытия. Теории, связанные с так называемым «антропным принципом» (Б. Картер, Дж. Д. Барроу, Ф. Дж. Триплер), предполагают, что Вселенная устроена таким образом, чтобы в ней мог состояться человек, либо, чтобы он необходимо возник в ней на определенном этапе. Концепция

«синхронистичности» (К. Г. Юнг) допускает наличие неких акаузальных смысловых связей, взаимодополнительных причинно-следственным зависимостям. Вместе они образуют некое смысловое поле, уподобляемое древнекитайскому Дао как принципу, организующему мир согласно смысловой соотнесенности его элементов. Сакральное, возможно, готово вновь вернуться к человеку, как и всегда в форме, наиболее адекватной его текущей парадигме реальности, наиболее доступной и убедительной — в данном случае в форме научной теории.

Проведенное диссертационное исследование свидетельствует, что поскольку расцвет тенденций диверсификации и дробления тесно связан с уходом Трансцендентного другого и нарушением единого символического пространства, в качестве реального противовеса этим процессам можно предложить только возрождение принципа эквивалентного символическо-смыслового обмена. Предполагается, что исторические формы сакрального, отброшенные «смертью бога», к сегодняшнему дню изжили себя, и что это подразумевает необходимость построения *нового* символического пространства с новым пониманием места человека в мире и его отношений с Трансцендентным другим. Были рассмотрены основные направления возможного дискурса в поле сакрального, проанализированы некоторые перспективы каждого из них, а также обоснована потребность в сакральном, явленном в той или иной адекватной форме, как объединяющем факторе, организующим единое символическое пространство. Той маской, под которой, возможно, явился бы Трансцендентный другой сегодня, мог бы стать сам принцип эквивалентного обмена смыслов и символов, расширенный за пределы предметного мира. В этом случае все процессы индивидуализации и диверсификации, проходящие в современном обществе вели бы не к обособлению индивидуальных реальностей и их дальнейшему дроблению, а к совершенствованию и развитию реальности единой для всех.

В **заключении** сформулированы основные выводы и результаты диссертации.

Основные положения диссертационного исследования отражены в публикациях:

1. Тагиров Ф.В. Свобода как первичная основа человеческого существования // Восток — Запад. Особенности и взаимодействие цивилизаций: Тезисы докладов и выступлений Первой межвузовской научной студенческой конференции. — М.: Изд-во РУДН, 1998.

2. Тагиров Ф.В. Мифологическое сознание на пороге постмодерна: сакральное десакрализованного // Восток—запад. Диалог культур и цивилизаций: Материалы Второй межвузовской научной конференции молодых ученых. — М.: Изд-во РУДН, 2000.

3. Тагиров Ф.В. Коммуникация как поиск разногласий и символический обмен // Поликультурное общество: стабильность и коммуникация. Материалы 7-ой Международной философской конференции «Диалог цивилизаций: Восток—Запад», 14—16 апреля 2003 года, г. Москва (под ред. И.А. Мальковской). — М.: Изд-во «Уникум-центр», 2003.

Тагиров Филипп Владимирович

Россия

Сакральное как предмет социально-философского дискурса (от традиции к новому символическому пространству)

Диссертация посвящена анализу основных моделей дискурса в поле сакрального после явления так называемой "смерти бога", а также проблеме взаимной адекватности этих моделей и современной социо-культурной реальности. Исследуется возможный статус отношений человека с Трансцендентным в эпоху, ознаменованную переходом от ценностей общности к ценностям различия. Специально рассматривается вопрос о перспективах построения нового символического пространства как общего измерения индивидуализации человека и его духовного развития.

Philip Tagirov

Russia

The Sacred as a subject of the social and philosophical discourse (from the tradition to a new symbolical cosmos)

The dissertation is devoted to the analysis of main models of discourse in the field of the sacred after the "god is dead"-phenomenon as well as the problem of mutual adequacy of these models and socio-cultural reality. The author investigates the status of relationship between man and the transcendence in the epoch of transition from values of unity to values of diversity. The special attention is paid to the question of the possible future of construction of a new symbolical cosmos as a common domain for further individualization and spiritual growing of man.

Публикации с ключевыми словами: [Сакральное](#) - [Дискурс](#) - [Традиция](#) - [Символ](#) - [Пространство](#)

Публикации со словами: [Сакральное](#) - [Дискурс](#) - [Традиция](#) - [Символ](#) - [Пространство](#)

См. также:

- [Ильин М.В. Политический дискурс: слова и смыслы \(Государство\)](#)
- [Трахтенберг А.Д. Дискурсивный анализ массовой коммуникации как идеологический инструмент](#)
- [Защита флага.](#)
- ["Вчера и сегодня японской художественной традиции": публичная лекция](#)
- [Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира](#)
- [/Монография/](#)
- [Логический анализ языка: Языки пространств /Сборник статей/](#)
- [Социальное и культурное пространство города. Конференция молодых ученых.](#)

